

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-3-123-147

ГОСУДАРСТВО И (ИЛИ) ЭВОЛЮЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ РАССУЖДЕНИЙ О ПОНЯТИЯХ, ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВ (Часть третья)

Лексин И.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

leksin@spa.msu.ru

Аннотация. Третья часть статьи посвящена подходам отечественного правоведения к концептуализации функций государства, к классифицированию государств и к объяснению происхождения государства. Продемонстрирована проблематичность выявления функций государства как юридического явления и (или) по отношению к правовой реальности. Отмечен преимущественно неюридический характер теоретико-правовых классификаций государств и показаны сложности в классифицировании государств как правовых явлений. Рассмотрены проблемы в теоретизировании по поводу происхождения государства, порождаемые изложенными в первых частях статьи изъянами в рассмотрении самого государства (а именно, неюридическим пониманием государства, смешением разных значений слова «государство», экстраполяцией свойств современного государства на предшествующие эпохи).

Ключевые слова: государство, функции государства, классификация государств, происхождение государства, вождество, социальный союз, правовой порядок.

Для цитирования: Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть третья) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 3. С. 123–147.

Дата поступления в редакцию: 09.08.2025

STATE AND (OR) EVOLUTION: PROBLEMS OF JURISTIC REASONING ON THE STATE CONCEPTS, ON THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE STATES (PART THREE)

Leksin I.V.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

leksin@spa.msu.ru

Abstract. The third part of the article is devoted to the approaches of Russian jurisprudence to conceptualization of the functions of the state, to classification of states and to the explanation of the state origin. The author demonstrates that identifying functions of the state as a component of legal reality or in regard to this reality is quite complicated. He notes that legal theory classifies states in a mainly non-judicial manner, and shows the difficulties in classifying states as legal phenomena. The article considers the problems in theorizing on the state origin, caused by the flaws in the state conceptualization outlined in the previous parts of the article (namely, non-legal understanding of the state, mixing different meanings of the word “state”, extrapolating modern state features over the past epochs).

Key words: state, functions of the state, classification of states, origin of the state, chiefdom, social unity, legal order.

For citation: *Leksin I.V.* State and (or) evolution: problems of juristic reasoning on the state concepts, on the origin and development of the states (Part three) // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 3. P. 123–147.

Received: 09.08.2025

О функциях государства

Основательный задел для теории функций государства был сформирован еще дореволюционной юриспруденцией¹. Однако с учетом разрыва преемственности между имперским и советским этапами государствоведения можно считать, что данная теория — сравнительно молодой раздел последнего, в содержательном отно-

¹ Так, С.А. Котляревский не только рассуждал о государственных функциях с точки зрения разделения властей, как предлагалось европейскими юристами (см.: *Duguit L.* Manuel de droit constitutionnel. Théorie général de l'État. Organisation politique. Paris, 1907. P. 136–265), но и подверг специальному рассмотрению внешнеполитические функции (см.: *Котляревский С.А.* Правовое государство и внешняя политика. М., 1909. С. 4–235).

шении ведущий начало от отчетного доклада И.В. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) в марте 1939 г.² К первоначально выделенным тогда категориям функций за последующие десятилетия было добавлено множество других, отражающих идейные настроения разных эпох³ и относящихся к государству в разных смыслах.

При этом, хотя в литературе представлено множество комбинаций функций, приписываемых государству, дискуссия по поводу состава этого функционала имеет в значительной мере схоластический характер. Ученые, предлагающие оригинальные наборы функций государства, часто действуют в духе чистого рационализма и производят результаты скорее философского характера (например, рассуждая о решении «двух основных задач, стоящих перед любым государством, на всех этапах исторического развития государственности... (1) обеспечение свободы, безопасности и собственности... (2) создание системы коммуникаций»⁴ или утверждая, что «государство на любом историческом этапе» осуществляет две основные функции: «охранительную и созидательную»⁵). Сторонники же традиционных подходов к выделению функций государства нередко полагают, что «вопрос о классификации функций... особых проблем не вызывает»⁶ и обычно перечисляют по несколько известных подходов к группировке государственных функций, не замечая, что зачастую таковые подразумевают использование слова «функции» и (или) слова «государство» в разных смыслах.

² См.: *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 14. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 373–444.

³ См., в частности: *Лепешкин А.И.* Фазы развития и функции Советского государства. М.: Знание, 1958. 40 с.; *Черноголовкин Н.В.* Функции Советского государства в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1960. 191 с.; *Каск Л.И.* Функции и структура государства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 65 с.; *Черноголовкин Н.В.* Теория функций социалистического государства. М.: Юрид. лит., 1970. 215 с.; *Байтин М.И.* Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. 302 с.; *Мелихова А.В.* Функции Советского и современного Российского государства. Дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. 246 с.

⁴ Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. академика РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. С. 630.

⁵ *Пожарский Д.В.* Функции государства: проблемы классификации // *Право и государство: теория и практика*. 2012. № 2 (86). С. 11; *Его же.* Охранительная функция государства: теоретико-методологические проблемы. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 9.

⁶ *Бабаев В.К., Бабаев С.В.* Функции современного Российского государства. Н. Новгород, 2001. С. 11.

Так, классифицирование функций на основные и неосновные⁷, или главные и производные (вспомогательные)⁸, а также на внутренние и внешние⁹ в оригинальном изложении предполагало противопоставление государства (как деятеля) населению (объекту воздействия)¹⁰. Это в целом соответствует отождествлению государства с аппаратом принуждения (правда, сегодня в именуемые аналогично функции может вкладываться и иное содержание, не подразумевающее разделения государства и общества). Деление функций на постоянные и временные¹¹ требует сведения их к полномочиям государственных органов и должностных лиц, которыми последние наделяются, соответственно, на неопределенный или определенный срок (постоянство и временность функций с государством как цельным действующим субъектом вяжутся слабее). Отнесение к функциям законодательной, административной (управленческой), судебной¹² (или правоустановительной, правореализаторской, правозащитной¹³) ведет к пониманию под функцией характера деятельности государственных органов

⁷ См., например: *Тененбаум В.О.* Государство: система категорий. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1971. С. 140–153; *Цыганов В.И.* Теория государства и права. Нижний Новгород, 2007. С. 25.

⁸ См., в частности: *Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. С. 73.*

⁹ См., например: *Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф.* Проблемы теории государства и права / Учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2003. С. 144–152; *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. проф. В.Г. Стрекозова. М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л», 2008. С. 154–162; *Малахов В.П., Горшенева И.А., Иванов А.А.* Теория государства и права. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 36–38; *Теория государства и права: учебник / под ред. Г.Г. Бернацкого.* СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 122–137.

¹⁰ Деятельность досоциалистического государства характеризуют «две основные функции... внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде, и внешняя (не главная) расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств» (*Сталин И.В.* Указ. соч. С. 434).

¹¹ См., например: *Мелехин А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Маркет ДС, 2007. С. 99.

¹² См., например: *Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. С. 73;* *Общетеоретическая юриспруденция: учебный курс / под ред. Ю.Н. Оборотова.* Одесса: Феникс, 2011. С. 399; *Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко.* М.: Издательство «Зерцало-М», 2020. С. 174; *Мусатов Ф.В.* Государство как субъект права. Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 94–95.

¹³ См.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. С. 258–260.

(либо — опосредованно — государства как субъекта). Разграничение политической, социальной, экономической, культурной, идеологической и т.п. функций¹⁴ подразумевает отождествление функции с направлением деятельности, что по умолчанию предполагает понимание самого государства как деятельного субъекта (хотя и не обязательно как субъекта права). Общесоциальные же и классовые функции государства¹⁵ — это, по сути, его назначение (практическое или желаемое, ожидаемое либо приписываемое ему) не столько как субъекта деятельности, сколько как сложившегося и поддерживаемого строя или социального (либо правового) порядка. Наконец, выделение охранительных и регулятивных функций государства¹⁶, видимо, должно подразумевать отождествление (или смешение) государства с правом (как системой правовых норм).

Разнородные характеристики могут обнаруживаться и в пределах одной классификации функций государства. Например, наряду с политической, экономической, финансовой, социальной, экологической, культурной, идеологической и т.п. авторы могут указывать функцию правового регулирования¹⁷ или функцию охраны (защиты, обеспечения) правопорядка (или конституционного строя), прав и свобод граждан (охранительную, или правоохранительную)¹⁸, или правозащитную и правоохранительную¹⁹, наряду с правоустановительной, правореализаторской, пра-

¹⁴ См., например: *Чиркин В.Е.* Государствоведение: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юристъ, 2000. С. 100–101; *Чепурнова Н.М., Серегин А.В.* Теория государства и права. М.: ЕАОИ, 2007. С. 31; *Радько Т.Н.* Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2015. С. 411–412.

¹⁵ См., например: *Любашин В.Я., Смоленский М.Б., Шепелев В.И.* Теория государства и права. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. С. 127.

¹⁶ См.: *Расказов Л.П.* Теория государства и права: углубленный курс. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. С. 47.

¹⁷ См.: *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права: учебник. СПб.: Издательский дом СПбГУ, Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2005. С. 216.

¹⁸ См.: *Лазарев В.В., Липень С.В.* Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Издательство «Спарк», 1998. С. 55–63; *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2002. С. 115–120; *Вишневский А.Ф., Горбатюк Н.А., Кучинский В.А.* Общая теория государства и права / Под общ. ред. В.А. Кучинского. М.: Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2006. С. 105–107; *Сырых В.М.* Теория государства и права: Учебник для вузов. 6-е изд., стер. М.: ЗАО Юстицинформ, 2012. С. 36–41; Теория государства и права: учебник / под ред. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 108–110.

¹⁹ *Оксамытный В.В.* Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 157–158.

возащитной — «внешнегосударственную функцию»²⁰. В классификации могут соседствовать функции и средства их обеспечения: так, в одном ряду с экономической и социальной и другими функциями встречается функция налогообложения²¹.

Итак, понимание государственных функций должно быть не менее диверсифицированным, — в зависимости от круга явлений, охватываемых словом «государство», — чем понимание его признаков и элементов²². Кроме того, необходимо иметь в виду хронологическую изменчивость функционала государства в рамках отдельно взятого понимания. Так, неоднократно упоминавшаяся экономическая функция (не в фискальном смысле, а в смысле организации хозяйственной жизни) не была характерна для государств до XVIII–XIX вв., а наибольшего размаха достигла лишь в последнее столетие.

Представления об указанных функциях государства (об основных и неосновных, о постоянных и временных, об общесоциальных и классовых, о политической, социальной, экономической, культурной, идеологической), господствующие в современной отечественной литературе, в целом сформировались в советской теории государства и права. Эти представления, как и соответствующие определения государства и перечни его признаков, рассмотренные в первых частях статьи, в среднем имеют отдаленное отношение к юриспруденции. Хотя функционал государства, безусловно, отражается в нормативно закрепляемых предметах ведения и полномочиях, но правовое регулирование в данном случае служит лишь средством фиксации политических, экономических и иных соображений, а юридическая наука может лишь констатировать наличие таких функций. Последние не подлежат (и вряд ли поддаются) объяснению ею, поскольку имеют не правовую, а политическую, социально-экономическую, культурно-идеологическую и пр. природу (равно и само государство, выполняющее названные функции, — это государство не как правовое явление, а государство-институт

²⁰ *Нерсесянц В.С.* Указ. соч. С. 258.

²¹ См.: *Морозова Л.А.* Функции Российского государства на современном этапе // *Государство и право.* 1993. № 6. С. 103–106; *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: Учебник. М.: Юрист, 2001. С. 59–60; *Власова Т.В., Дуэль В.М., Занина М.А.* Теория государства и права. М.: РАП, 2013. С. 54.

²² См.: *Лексин И.В.* Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть вторая) // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество).* 2025. Т. 22. № 2. С. 98–109.

или государство-аппарат в политическом, социологическом, экономическом и пр. смыслах).

Аналогичный упрек, казалось бы, можно адресовать и изложению функций права, в число которых традиционно включаются политическое, экономическое и прочие направления воздействия, и характер такого воздействия, и иные «неправовые» обстоятельства. Однако такое представление функций права как раз резонно, поскольку смысл их изучения заключается в раскрытии взаимосвязей правовой действительности с ее «неправовым» окружением. Конечно, раскрывать взаимосвязь государства с неправовой действительностью также допустимо и полезно. Но юридическое осмысление функций государства, в противоположность функциям права, требует концентрации на воздействии государства как раз на правовую действительность. В противном случае полезность такого осмысления для правоправедения вряд ли достижима (за исключением случая отождествления государства с правопорядком²³, воздействие которого на внеправовую реальность, бесспорно, представляет интерес для юриспруденции).

Однако необходимо учитывать, что научная ценность рассуждения о воздействии государства как раз на правовую действительность варьируется в зависимости от принадлежности к ней самого государства (вернее, в зависимости от того, какое именно явление — правовое, политическое, географическое и пр. — принимается исследователем в качестве носителя функций).

Трактовки государства как компонента правовой реальности должны приводить приблизительно к следующим результатам. При наиболее распространенном в юриспруденции понимании государства как субъекта права установить его функционал можно несколькими путями, большинство из которых окажутся ложными или сомнительными.

Во-первых, государству как субъекту права можно приписывать функции осуществления правовой деятельности (правотворческой, правореализационной и т.п.). Но такие функции (например, законодательное регулирование в области промышленности и сельского хозяйства, науки и образования, здравоохранения, социального обеспечения, приватизация и национализация имущества, поддержка определенных категорий населения и хозяйствующих субъектов и пр.) подбираются индуктивно и характеризуют не

²³ Но такое отождествление сопряжено с проблемой другого рода, о которой будет сказано ниже.

столько государство вообще, сколько данное государство в конкретный момент.

Во-вторых, как известно, государство, будучи сконструированным субъектом, не способно функционировать в отсутствие органов, действующих от его имени. Однако это обстоятельство вряд ли требует признавать формирование таких органов функцией государства как субъекта права (общегосударственного уровня публичной власти, или региона, или муниципального образования). Это формирование, скорее, выступает в качестве средства реализации того или иного функционала государства, а не в качестве самостоятельной функции.

В-третьих, с дедуктивной точки зрения, функцию государства — как и любой сконструированной сущности — возможно усмотреть в реализации интересов лиц, наделенных разумом, имеющих желания и потребности. В зависимости от исторического контекста государству может приписываться выражение воли (интересов) как отдельного правителя, так и династии, иной группы лиц, социального класса, народа в целом (хотя, конечно, в каждом случае реальность так или иначе отклоняется от официально декларированных принципов или обличительных оценок). Однако такого рода связь государства с отдельными людьми или с их множеством (например, выражающаяся в участии населения в механизме принятия решения об учреждении государства) и роль государства как выразителя личных, групповых, общественных интересов нельзя смешивать с юридической производностью государства от носителей этих интересов. Как юридическая личность государство производно от других лиц лишь с организационно-процедурной и политической точек зрения (хотя намеки на такую производность могут фиксироваться и в конституционных документах²⁴). В отличие от юридического лица, существующего в рамках того или иного национального правопорядка, или международной организации, соответственно призванного или призванной выражать интересы учредителя (учредителей) и (или) участников, у государства формально нет ни первого (первых), ни вторых:

- граждане даже в случае участия в голосовании по вопросу об учреждении государства юридически не могут считаться

²⁴ Так, в данный момент согласно ч. 1 ст. 3 Конституции РФ «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», что требует отнесения к главным функциям Российской Федерации выражения воли ее многонационального народа.

- его учредителями и вопреки высказываемому в литературе мнению²⁵ никогда не становятся членами (участниками) государства;
- в случае же образования государства путем объединения двух или более государств последние юридически прекращают существование с учреждением нового государства. В рамках нового государственного правопорядка им могут пространственно соответствовать лишь субнациональные единицы (хотя образно таковые и могут именоваться членами или учредителями союза), не пользующиеся «правами учредителей» (в противном случае сформированный союз правильнее квалифицировать не как государство, а как межгосударственное объединение) и не характеризующиеся старшинством по отношению к учрежденному государству, а учрежденные вместе с ним.

Сказанное приводит к заключению, что функцию проводника и реализатора интересов и волеизъявлений конкретных одушевленных лиц или их совокупности государство может выполнять лишь как социально-политическое явление. Как субъект права же государство связано не с некими «первичными» социальными субъектами, а с правопорядком: оно есть одновременно его порождение и организационная основа (или инфраструктура). Соответственно, можно (предварительно) предположить, что функция государства в таком понимании — обеспечивать бытие «своего» правопорядка.

Но при этом следует принять во внимание, что вне международных, частноправовых и процессуальных отношений, как было отмечено в первой части статьи, государству сложно приписать функции, которые настоятельно требовали бы его конструирования как субъекта права²⁶. Так, формирование, поддержание, охрану правового порядка и восстановление последнего в случае нарушения вполне можно считать функцией государства не только (не обязательно) как субъекта права, но и как системы органов. Таким образом, теоретизирование по поводу функционала государства может косвенно подкреплять сомнения в оправданности «внутренней» публично-правовой субъектности государства (вы-

²⁵ См.: Мусатов Ф.В. Указ. соч. С. 35, 36, 46, 52, 57, 80–82, 117.

²⁶ См.: Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть первая) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 4. С. 223–224.

сказывавшиеся континентально-европейскими и отечественными правоведами еще более столетия назад²⁷).

Однако сама по себе теоретическая возможность связать названные функции не только с государством — юридической личностью, но и с государственным аппаратом не может считаться аргументом в пользу предпочтительности иного понимания государства. Наличие или отсутствие у того или иного образования (не только у государства, внутригосударственных территориальных образований, но и у государственных и муниципальных органов, у юридических лиц и даже у лиц физических) правосубъектности объясняется не исключительностью функционала (и не концептуальной весомостью его содержания), а скорее потребностями юридической техники и правовыми традициями.

В то же время возможность выполнения государством функции основы соответствующего национального правопорядка независимо от наличия правосубъектности позволяет заключить, что данная функция принадлежит государству как действующему субъекту вообще, а не как субъекту права. Более того, можно утверждать, что самой юридической личности государства в строгом смысле вообще незачем приписывать какие бы то ни было функции. Придание правосубъектности тому или иному существу или сконструированной сущности выполняет одну функцию — обеспечить возможность участвовать в правоотношениях с другими субъектами права. Но это функция не субъекта права, а именно качества правосубъектности (или решения, действия по наделению этим качеством).

Изложение функций государства в иных значениях также нельзя назвать беспроблемным. Так, государство как социальный и (или) политический институт, которому приписывается активная деятельность (или совокупность таких институтов), независимо от национальной специфики выполняет функцию, которая в литературе фигурирует под видом его дефиниции, — функцию организации (в смысле придания организованности), в том числе: организации осуществления публичной власти (это соответствует «политической» функции), структурирования общества и организации общественного развития («социальная» функция), организации хозяйственной жизни («экономическая» функция) и др.

²⁷ См., в частности: *Berthélemy H. Traité élémentaire de droit administratif*. 3ème éd. Paris, 1905. P. 44–45; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1892. С. 11–15; *Яценко А.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 254–262.

Довольно затруднительно описать функции государства в значении правопорядка, поскольку эти функции варьируются в зависимости от социально-политического строя, уровня хозяйственного и технологического развития, национального и конфессионального состава населения и многих других обстоятельств. Государству же как правоотношению или системе правоотношений вообще вряд ли можно приписывать какие-либо функции (таковые могут быть либо у действующего субъекта, либо у функционирующего объекта, либо у свойства субъекта или объекта, либо у деятельности).

Таким образом, рассуждения о функциях государства как компонента правовой действительности по отношению к этой же действительности не позволяют получить внятных результатов. Функция — это категория, которую осмысленно прилагать к государству в иных значениях. Соответственно, за редкими исключениями (к таковым относится прежде всего упомянутая функция государства по обеспечению бытия соответствующего национального правопорядка) функции государства подлежат осмыслению не юриспруденцией, а иными социогуманитарными науками.

Закономерность классификационных проблем

Неоднократно отмеченное выше разнообразие явлений, охватываемых словом «государство», предопределяет невозможность проведения корректной классификации «государств вообще». Неоднородность явлений, именуемых в литературе «государствами» (древнегреческие полисы, восточные деспотии, средневековые европейские княжества, ситуативно объединенные под одной «коронной» конгломераты формально отдельных владений, колониальные империи, современные государства)²⁸ делает такие классификации искусственными и некорректными. Не отрицая полезности, в целом, таких классификационных опытов для социологии, политологии, антропологии (хотя, вероятно, и здесь уместно было бы вести речь о делении не государств как таковых, а например, политически организованных обществ, политически организованных цивилизаций), следует усомниться в их юридической состоятельности. Обращение со всем массивом явлений, называемых по разным мотивам «государствами», как с однородным объектом деления столь же проблематично, как, например, деление предприятий на

²⁸ См., например, деление на «государства-полисы», «государства-королевства» и «государства политико-правового порядка управления» (Ромашов Р.А. Теория государства и права. 2-е изд. СПб.: Питер, 2010. С. 50–55).

государственные и муниципальные унитарные (составляющие с точки зрения гражданского законодательства Российской Федерации организационно-правовую форму юридического лица) и частные предприятия (которые законодатель трактует не как субъектов права, а как имущественные комплексы)²⁹ или деление корпораций на негосударственные и государственные (последние являются не корпорациями, а унитарными юридическими лицами³⁰).

Сказанное приводит к заключению, что каждая группа явлений, соответствующих тому или иному понятию о государстве, требует рассмотрения в качестве отдельного объекта деления³¹. Соответственно, определение государства тем или иным образом обязывает автора учитывать это значение при установлении круга классифицируемых явлений. Например, с точки зрения формальной логики неверно говорить о классификации государств по форме правления или по форме территориального устройства после определения государства как юридической личности (субъекта права), а тем более как правоотношения (системы правоотношений). По данным основаниям классифицированию поддаются прежде всего государства в институциональном (организационном) понимании, тогда как субъекты права (а тем более правоотношения) ни формы правления, ни территориального устройства просто не имеют. Это не означает принципиальной несовместимости рассуждений об этих вопросах с определением государства как юридической личности (субъекта права), но классифицировать по упомянутым основаниям в таком случае правильнее не сами государства, а именно формы правления и формы территориального устройства. Либо же вместо деления по форме правления следует говорить о делении государств по характеру систем органов, действующих от имени государства как субъекта права³². Классифицируя же по

²⁹ См. соответственно ст. 113 и 132 Гражданского кодекса РФ.

³⁰ См. п. 1 ст. 65¹ Гражданского кодекса РФ.

³¹ Правда, нужно иметь в виду, что далеко не всякое сужение объекта деления облегчает задачу классифицирования. Например, даже сравнительно компактный массив явлений, охватываемых обозначением «государственная казна», неверно классифицировать (с точки зрения формальной логики), поскольку таковое используется в отношении разнотипных обстоятельств: участника гражданского оборота (государства-казны) и государственных имуществ (их состава, правового режима, порядка формирования и отторжения).

³² При этом нужно иметь в виду, что при любом подходе рассмотрение государства в таком понимании подразумевает отнесение к объекту деления прежде всего государств современного типа (и лишь отдельных политических образований раннего Нового времени и более отдаленных эпох).

территориальному устройству государства, характеризующиеся правосубъектностью, нужно под последними понимать не только единичные субъекты права, но и (в зависимости от практической ситуации) группы таких субъектов (включающие субъект, олицетворяющий общегосударственный уровень публичной власти, и наделенные правосубъектностью внутрисубъектные территориальные образования³³). В таком случае результатами деления окажутся «моносубъектные» государства (в случае если внутрисубъектные территориальные образования не наделены правосубъектностью) и «полисубъектные».

Внимания требует и совместимость классификации с отраслью знания, для нужд которой проводится данная логическая операция. Так, формационное деление государств, признававшееся фундаментальным в течение десятилетий (и сохраняющее популярность в современной юриспруденции³⁴), подразумевало понимание государства как явления социально-экономической и социально-политической реальности, а не правовой (хотя, конечно, в описании формаций присутствовали некоторые черты правопорядка). Классификационные подходы, выработанные постсоветской юриспруденцией или заимствованные из советского государствоведения либо из смежных наук, слабо коррелируют с пониманием государства как части правовой реальности. Например, социологическим (антропологическим, историко-культурологическим) является предложенный А. Тойнби «цивилизационный» подход к типологии государства, почти неизменно освещаемый в литературе по теории государства и права как один из основных³⁵. К политологическим, по сути, относятся: классификация «государственных форм» на «монархическую, поликратическую и сегментарную»³⁶, идеоло-

³³ См. об этом, в частности: *Лексин И.В.* Соотношение федеративной и регионалистской формы государственного устройства: проблемы и решения // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Выпуск 12. С. 478.

³⁴ См., например: *Марченко М.Н.* Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 156–188; *Хропанюк В.Н.* Указ. соч. С. 89–94; Теория государства и права. Часть 1. Теория государства / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Издательство «Зерцало-М», 2011. С. 132–168; *Малахов В.П., Горшенева И.А., Иванов А.А.* Указ. соч. С. 24–26; Теория государства и права: учебник / под ред. Г.Г. Бернацкого. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 93–95.

³⁵ См., например: *Любашиц В.Я., Смоленский М.Б., Шепелев В.И.* Указ. соч. С. 127–129; *Мелехин А.В.* Указ. соч. С. 60–61; *Малахов В.П., Горшенева И.А., Иванов А.А.* Указ. соч. С. 26–27; *Радько Т.Н.* Указ. соч. С. 404–406.

³⁶ *Чиркин В.Е.* Указ. соч. С. 115–116.

гический подход³⁷ к типологии, а также широко распространенное в последние десятилетия деление государств по типу политического режима³⁸. Несколько большее отношение к юриспруденции имеет «личностный подход в типологии государства» (деление по «степени экономической, социальной, политической и духовной... свободы личности»³⁹, которая хотя бы отчасти поддается юридическому измерению), но и он в значительной мере идеологизирован и политизирован.

К отмеченным специфическим проблемам государствоведения могут добавляться и общераспространенные ошибки классифицирования. Так, в одном классификационном ряду могут оказываться подмножества, выделенные по разным основаниям и неизбежно пересекающиеся друг с другом (например, тоталитарное, авторитарное, правовое, социальное, светское и корпоративное государства⁴⁰).

Итак, при классифицировании государств требуется ориентироваться на следующие незамысловатые тезисы:

- не соединять в рамках одной классификации государства современного типа с иными по сути историческими явлениями, несмотря на распространенное употребление в отношении последних слова «государство»;
- отдельно классифицировать современные проявления государственности — в зависимости от значения, в котором используется слово «государство»;
- юриспруденции — концентрироваться на классифицировании явлений, относящихся к правовой действительности.

Государство как компонент правовой реальности в большинстве случаев не поддается классифицированию по привычным для государствоведения основаниям. Более того, классификация государств в этом понимании в принципе проблематична, поскольку они редко поддаются распределению по обособленным группам,

³⁷ См., например: *Оксамытний В.В.* Указ. соч., 2012. С. 103–105; *Расолов М.М.* Проблемы теории государства и права. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 76–77.

³⁸ См., например: *Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова.* М.: Издательская группа ИНФРА-М–НОРМА, 1997. С. 165–166; *Ромашов Р.А.* Указ. соч. С. 40.

³⁹ *Абдулаев М.И., Комаров С.А.* Проблемы теории государства и права. СПб.: Питер, 2003. С. 137–139.

⁴⁰ См.: *Иванов А.А., Иванов В.П.* Теория государства и права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 30–31.

которые можно было бы назвать типами, видами и т.п. (скорее, государства можно лишь расположить в зависимости от интенсивности проявления тех или иных признаков или частоты встречаемости тех или иных обстоятельств).

Так, исторические государства в значении объекта права (владений, хозяйства правителя) могут быть ранжированы в зависимости от формальной отделенности персонального (дворцового) имущества правителя от иного государственного имущества и — в случае наличия такого разделения — по степени его строгости.

В случае понимания государства как системы правоотношений диверсифицировать его практические проявления возможно исходя из взаимного положения лиц, уполномоченных принимать решения публично-властного характера, и их адресатами (гражданами, юридическими лицами); круга благ, по поводу которых они вступают в правоотношения; содержания последних (широты правовых возможностей, строгости обязанностей и пр.).

Государства как юридические личности могут быть разделены, во-первых, по упомянутому выше основанию наличия внутригосударственных территориальных единиц, обладающих правосубъектностью, а во-вторых, исходя из характера и широты предметов ведения государства. Государства, понимаемые как национальные правовые порядки, могут быть классифицированы подобным образом:

- в зависимости от наличия в рамках национального правового порядка региональных или локальных субправовых порядков;
- в зависимости от набора предметных сфер, охватываемых этими правовыми порядками и субправовыми порядками.

Проблемы осмысления происхождения государства

С учетом изложенного выше следует подходить и к вопросу о происхождении государства. Коллективными усилиями авторов учебной литературы по теории и истории государства и права данный вопрос превращен в решенный: государство возникает на определенном этапе социального и хозяйственного развития и служит для закрепления и воспроизводства положения доминирующих социальных слоев. Такая безупречная и ясная картина государствообразования, с одной стороны, не может не привлекать, но, с другой стороны, не может не вызывать нареканий. Во-первых, она описывает не столько исторически подтвержденный алгоритм, сколько абстрактные представления о малоизвестном прошлом. Рассуждения о формировании конкретного государства,

трансформации вожеств в государства в той или иной местности главным образом базируются на предположениях и ожиданиях, и в целом прогресс в направлении выработки формальной теории происхождения государства в лучшем случае можно назвать фрагментарным⁴¹.

Во-вторых, обыкновенно составляемая схема происхождения государства содержит лишь изложение известной или предполагаемой хроники отдельных обстоятельств, которые принято ассоциировать с государством. К таковым, прежде всего, относятся: разделение на властвующих и подвластных; появление слоя людей, не занятых земледелием и иными хозяйственными работами, а выполняющих организационно-распорядительные функции; развитие инструментов принуждения членов сообщества к требуемому поведению; принудительное перераспределение прибавочного продукта и пр. Поэтому в действительности авторы рассматривают не происхождение государства, а всевозможные обстоятельства перехода от условного состояния дикости к условному состоянию цивилизованности (усложнение социальной структуры, формирование вожеств, развитие институтов публичной власти и пр.). Исследование этих процессов и датирование переломных моментов, безусловно, немаловажно — особенно для истории и антропологии. Однако ценность и достаточность их для юриспруденции далеко не бесспорна. Не случайны давно терзавшие ученых сомнения в наличии разницы между государством и «шайкой разбойников»⁴², «охраным рэкетом»⁴³ и подобными социальными (или асоциальными) явлениями⁴⁴.

В-третьих, как отмечалось в первой части статьи, юриспруденция (теория и история государства и права) преимущественно нацеливают концептуализацию государства на его описание как явления социально-политической действительности, раскрытие

⁴¹ См.: *Wright H.T.* Recent research on the origin of the state // *Annual Review of Anthropology*. 1977. No 6. P. 379–397.

⁴² См.: *Блаженный Августин*. Творения: В 4 т. Т. 3: О граде Божием. Кн. I–XIII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. С. 150.

⁴³ *Tilly C.* War Making and State Making as Organized Crime // *Bringing the State Back* / Eds. P. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 169–187.

⁴⁴ См., в частности: *Bastiat F.* Pamphlets. Paris, 2009. P. 70, 114–115, 240–241; *Оппенгеймер Ф.* Государство: переосмысление / пер. с англ. А. Стихина и С. Анкапова. М. Проект RUSTATE.ORG, 2020. С. 78, 95, 97, 126, 222; *Джессон Б.* Государство: прошлое, настоящее, будущее / под науч. ред. Д. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 92.

его происхождения, становления и развития, а не на изложение юридической конструкции государства. Государство как правовое явление неизбежно характеризуется иными хронологическими рамками, чем как явление социальное и (или) политическое, географическое и пр. Соответственно, применительно к рассматриваемому вопросу задача юриспруденции состоит не в том, чтобы рассуждать о процессах возникновения и становления государства как общественно-политического явления, а в том, чтобы диагностировать появление государства как компонента правовой реальности.

В-четвертых, в силу множественности понятий, обозначаемых словом «государство», возникновение соответствующих явлений почти с неизбежностью расходитя во времени. Суждения о становлении государства как человеческого сообщества («социального союза»), достигшего специфического состояния организованности, как аппарата властвования (принуждения), как объекта властвования (владения), как искусственной личности, не сводимой ни к правителю, ни к социуму (и, в частности, как субъекта права), как правопорядка — это суждения о разных процессах, в подтверждение или опровержение которых могут приводиться разные наборы исторических фактов (хотя, конечно, эти наборы ситуативно могут совпадать или пересекаться).

В-пятых, в большинстве известных значений проблематично охарактеризовать объем накопленных практических обстоятельств, достаточный для констатации формирования государства. Так, критерии, отграничивающие государственное принуждение от догосударственного насилия (справедливость⁴⁵, легитимность⁴⁶ и пр.) и показывающие специфичность государства по сформированности элит⁴⁷ или по степени организованности социального союза (например, не менее четырех уровней политико-административной иерархии⁴⁸), страдают либо расплывчатостью, либо

⁴⁵ См.: *Блаженный Августин*. Там же.

⁴⁶ См.: *Weber M. Politik als Beruf. Geistige Arbeit als Beruf. Vier Vorträge vor dem Freistudentischen Bund. Zweiter Vortrag. München und Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1919. S. 4–5; Lachmann R. States and Power. Cambridge: Polity, 2010. P. 2.*

⁴⁷ С этой точки зрения образование государства может характеризоваться как «случайный побочный продукт сближения множества элит, происходившего в целях получения преимуществ в конфликтах с другими элитами и крестьянством» (*Lachmann R. Op. cit. P. 63*).

⁴⁸ См., в частности: *Wright H.T. Op.cit. P. 381–385; Spencer C.S. Territorial expansion and primary state formation // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107, No. 16. P. 7120.*

неубедительностью. Определение с их помощью момента перехода от догосударственного состояния к государственному либо оказывается весьма затруднительным, либо выглядит произвольным.

Практически невозможно определить и рамки бытия «искусственной личности» государства, т.е. зафиксировать перемещение средоточия политической власти от конкретного правителя или династии к абстрактному государству, фактическое замещение государства персональным правлением того или иного авторитетного лидера либо завершение периода такого правления (для этого, видимо, требуется установить соотношение практического веса обезличенной сущности, именуемой государством, и личности правителя, что не поддается однозначной оценке).

Граница между государством и негосударством более четко проступает лишь в случае понимания государства как не просто искусственной личности (в нравственно-психологическом смысле⁴⁹), но личности юридической, или как универсального правового порядка, стоящего как над простыми обывателями, так и над лицами, осуществляющими функции властвования, администрирования и пр. Констатировать существование государства как юридической личности (субъекта права) можно на основании текстов юридических документов — по следующим параметрам:

- принятие решений (законотворчество, заключение договоров, вынесение приговоров) от имени государства, а не именем правителя, народа или конкретного органа;
- упоминание в конституционных и законодательных актах предметов ведения, прав и обязанностей государства;
- разделение государственной казны и собственных (дворцовых) средств и имущества правителя (с хронологической точки зрения данное обстоятельство можно считать первым шагом в становлении государства в современном понимании);
- категориальное разведение территории (сферы государственной юрисдикции) и земли (земельных участков, находящихся в частном владении — как правителя, так и других собственников, — или отнесенных к «общенародной», государственной, региональной, муниципальной собственности);
- превращение органов монаршей власти в государственные органы;

⁴⁹ См.: Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 331; Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 133; Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 319.

- размежевание службы публичной (государственной, муниципальной) и придворной (лично правителю и членам правящей династии);
- превращение как лиц знатного происхождения (первоначально связанных обязательствами лишь с монархом и друг с другом), так и обывателей (несших обязанности по отношению к феодалу, помещику, арендодателю либо в рамках гильдии, общины и прочих локально-сословных образований) в граждан — лиц, обязанных по отношению к государству;
- разграничение ответственности перед правителем и перед государством (за измену и подобные преступления), а равно разграничение долговой ответственности лично правителя и государства);

Показателями существования государства-правопорядка служат обстоятельства, отчасти пересекающиеся с вышеупомянутыми:

- наличие универсальных правовых норм территориального действия, превращающих всех индивидов в обобщенную категорию граждан (в противоположность феодальным образованиям средневековой Европы с многоступенчатыми⁵⁰ и сословно-фрагментированными⁵¹ правопорядками);
- осуществление контроля в отношении любой социальной единицы (невозможность для отдельных персон, социальных групп, организаций устраниваться из-под него в пределах пространственной и временной сферы действия правопорядка);
- наличие механизмов обеспечения реализации, защиты этого правопорядка и его восстановления в случае нарушения (принудительность с этой точки зрения не есть свойство государства, а средство обеспечения правопорядка, отождествляемого с государством).

В целом достижимо и определение периода восприятия государства как принадлежности, хозяйства правителя, т.е. объекта властвования или владения (по произведениям политической философии и политическим высказываниям). Однако это слово-

⁵⁰ Правопорядок определенного уровня распространялся лишь на непосредственно нижестоящую ступень феодальной иерархии, а по отношению к простому населению правитель гарантированно обладал средствами правового принуждения лишь в пределах собственного домена.

⁵¹ Обычай, договорные нормы, уставы, хартии и пр. в подавляющем большинстве случаев имели моносословную сферу действия, формальные источники права всесословного (внесословного) действия отсутствовали или касались лишь отдельных вопросов.

употребление безнадежно устарело, и находки в данной области вряд ли могут обладать практической полезностью.

В-шестых, как было показано, слово «государство» и его иноязычные аналоги благодаря юридическим, историческим, философским, социологическим, политологическим трудам распространилось на многообразные состояния политической организованности, большинство из которых не вписывается в современные представления о государстве, а равно не называлось этим словом современниками. Соответственно, большинство исторических государств — это не государства в современном понимании, а разномастные иерархически устроенные сообщества надсемейного и (или) надродового типа.

Соответственно, рассуждая о происхождении государства и оценивая опубликованные рассуждения по данному поводу, необходимо проводить различие между:

- появлением сравнительно цивилизованных обществ, именуемых предгосударственными в силу преодоления фазы кровнородственного объединения (к таковым относятся первичные «протогосударства» — надплеменные вождества — и вторичные — колонии в случае их неподчиненности метрополии);
- их публизацией, т.е. подчинением всего коллектива общему порядку (как имело место в древнегреческих полисах и в Древнем Риме) или, напротив, приватизацией (превращением правителей в хозяев частных владений);
- становлением собственно государства — как особой сущности, формально обособленной и от правителя, и от социальной общности.

В противном случае неизбежно продолжение смешения принципиально разных явлений и приписывание свойств современных государств империям вождеского типа или феодальным княжествам. Например, метафора «Государство — это я!» иллюстрирует не государственное, а догосударственное мышление, предполагавшее отрицание государства как некой самоценной сущности, не сводимой к аксессуару правителя. Даже ставшая хрестоматийной характеристика государства как «орудия классового принуждения» совсем не объединяет перечисленные явления. Обобщение социальных сил посредством категории классов лишь эпизодически способно адекватно отразить социальную действительность. Наибольшей выраженности классы достигли в Европе второй трети XIX — начала XX в., но на протяжении большей части человеческой

истории и в большинстве регионов классы, выделявшиеся основоположниками материалистического объяснения сущности государства, не составляли общностей, связанных совместными интересами (гораздо более значимыми могли являться династические или родственные отношения, ленная зависимость, привязанность к местной или религиозной общине, цеховые и иные корпоративные объединения). Соответственно, и социальные конфликты, хотя и могли иметь вполне ожесточенный и кровопролитный характер, не становились межклассовыми.

В-седьмых, на вопрос о моменте возникновения государства применительно как к России, так и к зарубежью, хотя он и выглядит весьма немаловажным, на деле неизбежно получается в значительной мере схоластический и (или) идеологизированный ответ. Можно лишь с большей или меньшей уверенностью полагать, что до некоторого момента (который можно определить очень примерно):

- в том или ином обществе не складывалось массового восприятия государства как действующей («решающей») сущности с особыми интересами и обособленной волей;
- в юридической практике государству не вменялись действия и решения, самому государству формально не служили и не вступали с ним в другие правоотношения;
- само слово «государство» и его иноязычные аналоги не ассоциировалось с государством в современном понимании (а использовалось для обозначения сословий, социального и имущественного положения, самого имущества и пр.)⁵².

В-восьмых, даже наличие точных датировок начала и (или) прекращения доктринальной концептуализации государства в современном ключе, или официальной фиксации правосубъектности государства, или использования соответствующих слов в интересующем значении не позволяют получить безупречное доказательство «рождения» или «смерти» государства именно в данный момент. Равно и синхронизированность или рассинхронизированность в указанных обстоятельствах дает лишь почву для сомнений, размышлений и рассуждений, но не для категоричных выводов.

В-девятых, собственно о происхождении осмысленно рассуждать либо применительно к государственному аппарату (прослежи-

⁵² По аналогичным параметрам можно в определенных случаях судить (опять же, лишь весьма приблизительно) и о завершении концептуального, юридико-практического и (или) лингвистического бытия государства.

вая преемственность государственных институтов по отношению к их предшественникам), либо понимая государство в социологическом смысле общественного союза (или организованного общества).

Так, выражения «создали могущественное государство», «сложилось мощное государство» и т.п. (применительно к «государству шумеров», «государству чингисидов», «государству идрисидов» и множеству других) подразумевают под государством прежде всего политико-административно-военный аппарат. Историческая наука во многих случаях способна достаточно детально проследить развитие этого аппарата и его отдельных компонентов. Однако необходимо иметь в виду, что хотя такой аппарат, конечно, присутствует и у современных государств, но то, что сегодня понимается под государством, не поддается сведению к такому аппарату. В настоящее время этот аппарат, строго говоря, есть принадлежность государства, его организационное проявление (без которого государству невозможно функционировать и, — с социологической точки зрения, существовать), но не само государство (наличие такого аппарата — условие социальной действительности государства в современном понимании, но отнюдь не достаточный индикатор его бытия).

Применительно же к государству как организованному, политическому, территориальному и прочим образом характеризуемому социальному союзу, как было отмечено выше, сложно подобрать практические критерии, которые позволили бы убедительно диагностировать возникновение государственности.

В других случаях суждения о происхождении государства могут оказываться просто бессмысленными. Например, представление о государстве как об особом социальном организме⁵³ является продуктом бытовой аналогии и не связано с исследованием исторической динамики каких бы то ни было социальных процессов.

Понимание государства как субъекта права (т.е. сконструированной сущности) должно в принципе снимать вопрос о происхождении государства, освобождая авторов от его рассмотрения (так же, как не беспокоит академическое сообщество вопрос о происхождении юридического лица, общественного или религиозного объединения, субъекта права вообще). Государство в таком понимании (ни как субъект частного права — казна, ни как субъект права публичного) ни от чего не происходит, а конструируется как

⁵³ См., например: *Bluntschli I.K. Psychologische Studien über Staat und Kirche. Zürich und Frauenfeld, 1844. S. 28–30.*

утилитарный инструмент. Хронологически государству — юридической личности предшествовало государство как объект права (имущество, владения, хозяйство правителя), но субъект права абсурдно считать родственником, продолжателем или преемником объекта. При этом ряд организационных механизмов (парламент, административные и судебные органы, делопроизводство, законодательные, административные, судебные, избирательные, бюджетные и пр. процедуры) государство вполне может заимствовать из политической, бюрократической, юрисдикционной и иной практики, предшествовавшей его юридическому конструированию.

Лишь представление о государстве как о самостоятельном (суверенном) правовом порядке придает юридическим рассуждениям о происхождении государства определенную уместность. Такой правопорядок можно считать результатом консолидации локальных правопорядков или трансформации феодального правопорядка (или совокупности сословных и иных разрозненных правопорядков) посредством целенаправленного (централизованного) правового регулирования.

(Продолжение следует).

Литература

Бабаев В.К., Бабаев С.В. Функции современного Российского государства. Н. Новгород, 2001. 98 с.

Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 302 с.

Блаженный Августин. Творения. В 4 т. Т. 3: О граде Божием. Кн. I–XIII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 596 с.

Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; Пер. с лат. и англ. М.: Мысль, 1989. 622 с.

Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; Пер. с лат. и англ. М.: Мысль, 1991. 731 с.

Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее / под науч. ред. Д. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.

Каск Л.И. Функции и структура государства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 65 с.

Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. М., 1909. С. 428.

Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 4. С. 206– 227.

Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рас- суждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть вторая) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 98–109.

Лексин И.В. Соотношение федеративной и регионалистской формы го- сударственного устройства: проблемы и решения // Научный ежегодник Ин- ститута философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Выпуск 12. С. 476–486.

Лепешкин А.И. Фазы развития и функции Советского государства. М.: Знание, 1958. 40 с.

Морозова Л.А. Функции Российского государства на современном эта- пе // Государство и право. 1993. № 6. С. 98–108.

Оппенгеймер Ф. Государство: переосмысление / пер. с англ. А. Стихина и С. Анкапова. М. Проект RUSTATE.ORG, 2020. 255 с.

Пожарский Д.В. Функции государства: проблемы классификации // Пра- во и государство: теория и практика. 2012. № 2 (86). С. 6–11.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Государственное издательство по- литической литературы, 1946. 504 с.

Тененбаум В.О. Государство: система категорий. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1971. 212 с.

Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства. М.: Юрид. лит., 1970. 215 с.

Черноголовкин Н.В. Функции Советского государства в период развер- нутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1960. 191 с.

Яценко А. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. 842 с.

Bastiat F. Pamphlets. Paris, 2009. 414 p.

Berthélemy H. Traité élémentaire de droit administratif. 3ème éd. Paris, 1905. 948 p.

Bluntschli I. K. Psychologische Studien über Staat und Kirche. Zürich und Frauenfeld, 1844. 308 S.

Duguit L. Manuel de droit constitutionnel. Théorie général de l'État. — Organ- isation politique. Paris, 1907. 1142 p.

Lachmann R. States and Power. Cambridge: Polity, 2010. 234 p.

Spencer C.S. Territorial expansion and primary state formation // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107. No. 16. P. 7119–7126.

Tilly C. War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back / ed. by P. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 169–187.

Weber M. Politik als Beruf. Geistige Arbeit als Beruf. Vier Vorträge vor dem Freistudentischen Bund. Zweiter Vortrag. München und Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1919. 68 s.

Wright H.T. Recent Research on the Origin of the State // Annual Review of Anthropology. 1977. No. 6. P. 379–397.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лексин Иван Владимирович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: leksin@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ivan V. Leksin — DSc, Head of Department of Legal Foundations of Public Administration, School (Faculty) of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: leksin@spa.msu.ru